

КЛАДОВАЯ № 25

Среди помещений северной части цитадели, занятой комнатами хозяйственного назначения и кладовыми, особенно выделялась по своим размерам кладовая № 25. Она представляла собою большое помещение, свыше 300 кв. метров площадью (дл. 31 м, шир. 10,3 м). Ввиду того, что такое широкое помещение трудно было перекрыть балками, кладовая была разделена на две части путем сооружения трех столбов и контрфорса, размещенных по ее средней оси. Бревна, уложенные на этих столбах вдоль кладовой, давали возможность применять для поперечного перекрытия не одну длинную балку, а две. Такие балки были обнаружены при раскопках, они были обтесаны с одной стороны и имели ширину 30—40 см при толщине—10—15 см. Конструкция потолка кладовой устанавливается точно; он представлял собою клетку из крупных поперечных балок и более тонких продольных. На эту клетку укладывался слой тростника и сучьев, а поверхность крыши состояла из плотно утрамбованного слоя земли.

Раскопки 1948 г. выявили контур этого большого помещения, основные же его раскопки были произведены в 1949 г.

В помещении было открыто 82 крупных сосуда-караса, вкопанных в земляной, утрамбованный пол. Карасы были размещены в четыре ряда, вдоль помещения; первый ряд, у восточной стены, содержал 19 сосудов, второй—20, третий—22 и четвертый—21. Карасы были различного размера, но одинаковые по типу. Они представляли собою конические сосуды, с массивным, вертикально поставленным венчиком, с характерными рельефными поясками, украшенными защипами; один поясок находился непосредственно под венчиком, два пояска ниже, примерно на половине высоты от самой широкой части сосуда и до венчика. Карасы, украшенные такими поясками, известны не только из центральной части Урарту (раскопки на Топрах-кале в Ване), но и из Ассирии (раскопки Дур-Шаррукина). Над линией наибольшего диаметра карасы имели углубления треугольной формы, с округлыми углами, по восьми-десяти на каждом сосуде. Такие углубления имелись и на нижних, вкопанных в земляной пол, частях карасов. На венчиках карасов имелись иногда знаки, прочерченные до обжига сосудов—пятилучевая звезда, крест и три углубления. Сосуды с одинаковыми знаками, как правило, находились в одном ряду. Несмотря на общий тип, карасы иногда сильно отличались по своему внешнему виду; так, карасы северной половины восточной

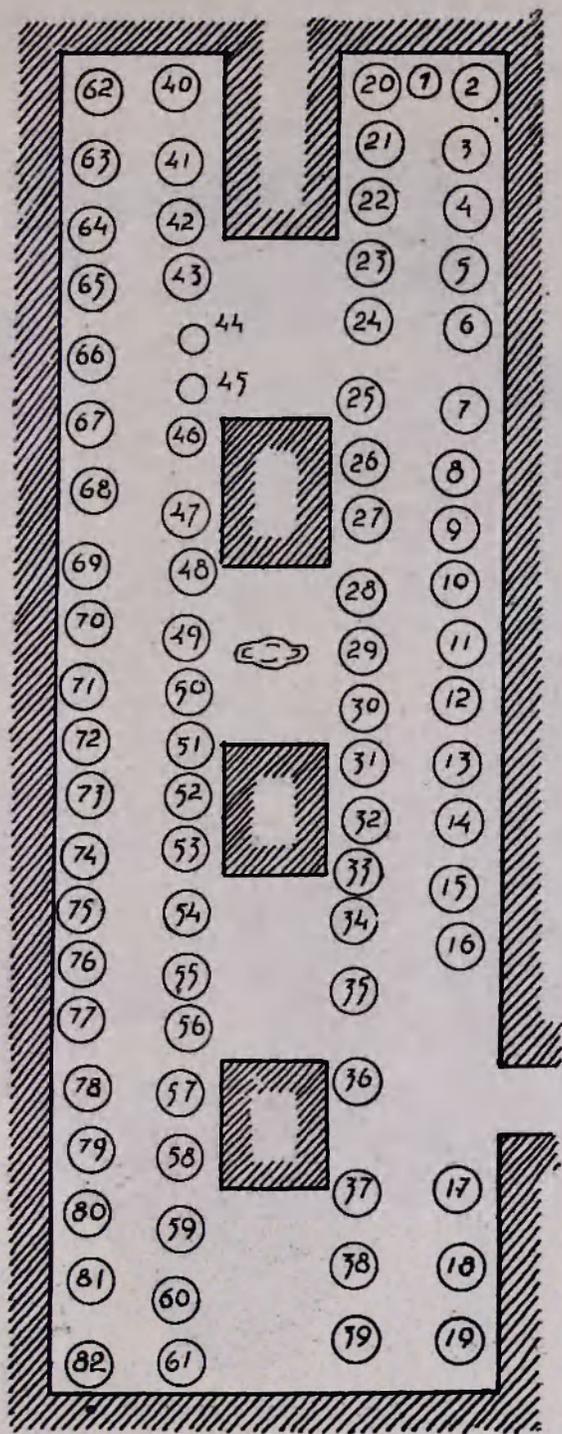

Рис. 2. Кладовая № 25 (схематичный план).

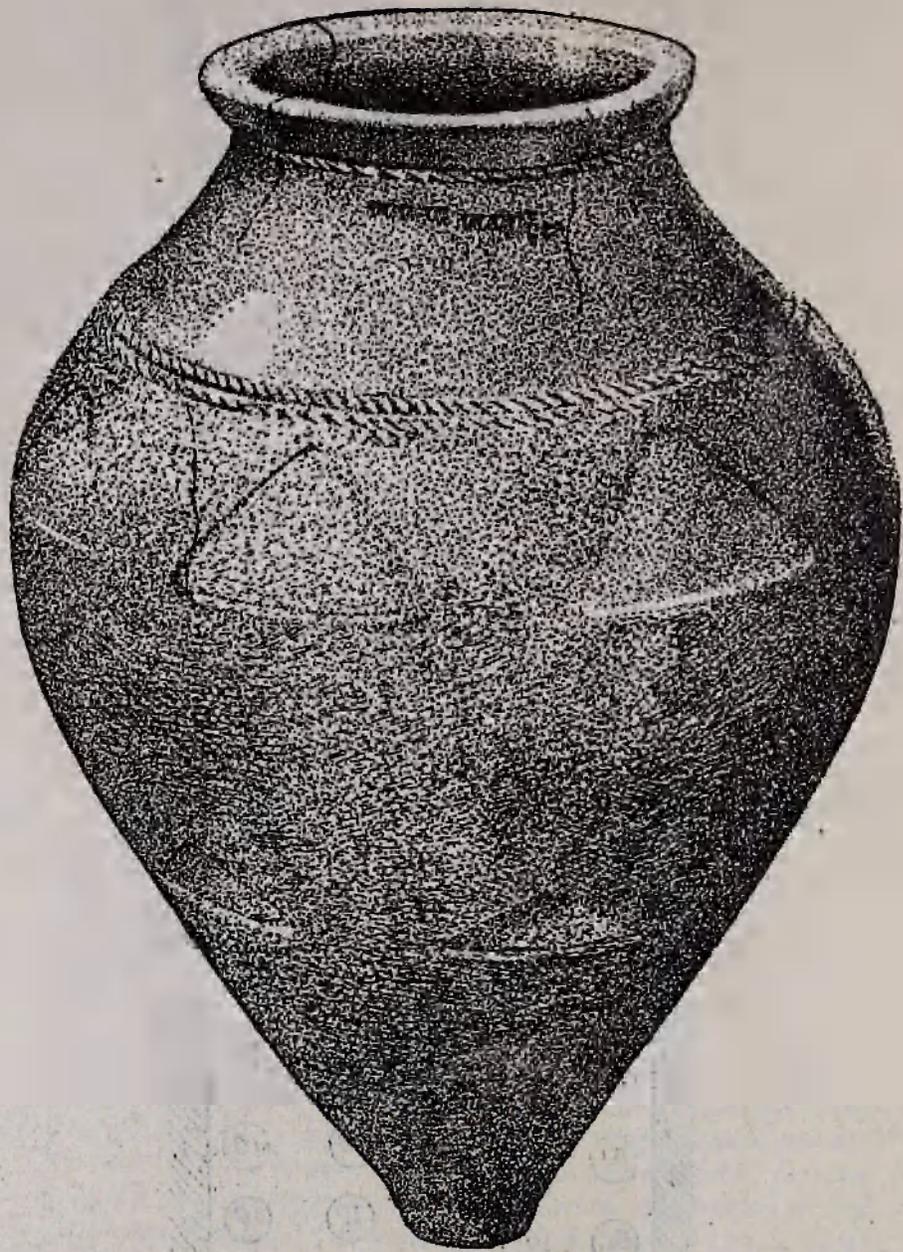

Рис. 3. Карас с клинописью.

части выделялись хорошо выработанными формами и тщательно выполненным рельефным орнаментом, в то время, как крупные карасы южной половины имели иной внешний облик, с небрежно выработанными рельефными поясками.

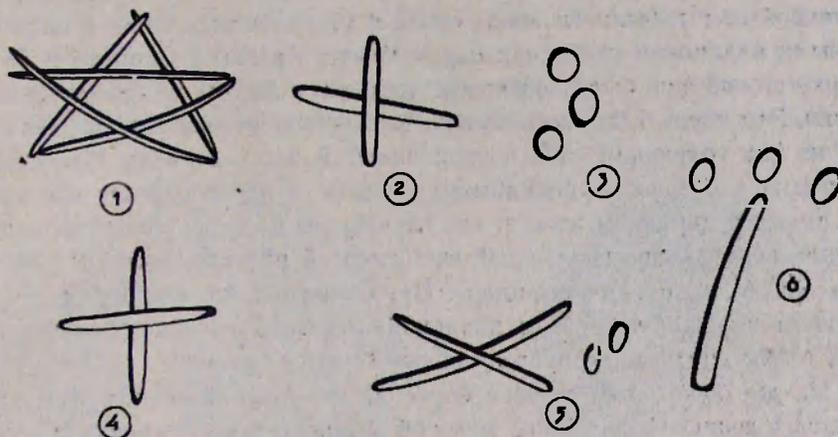

Рис. 4. Знаки на венчиках карасов из кладовой № 25 (№ 1—3) и кладовой № 26 (№ 4—6).

Все карасы имели под венчиком отметки их емкости, высеченные по обожженной глине. Девятнадцать карасов северной части восточной половины и один карас в средней части западной половины имели клинописные обозначения, в урартских мерах акарки и теруси, на остальных сосудах емкость была отмечена иероглифическим письмом, встреченным и в центре Урарту. Отсутствие отверстий на дне карасов, обычных для сосудов, предназначенных для хранения зерна, и наличие на них обозначений урартских мер емкости жидких, а не сыпучих тел, дает нам основание полагать, что эта кладовая была предназначена для хранения вина. Это предположение подтверждается также крупной глиняной воронкой, найденной на полу кладовой между карасами № 69 и 70.

В момент гибели крепости кладовая пустовала, карасы были порожними и шесть из них использованы для хранения зерна. В карасы № 48,

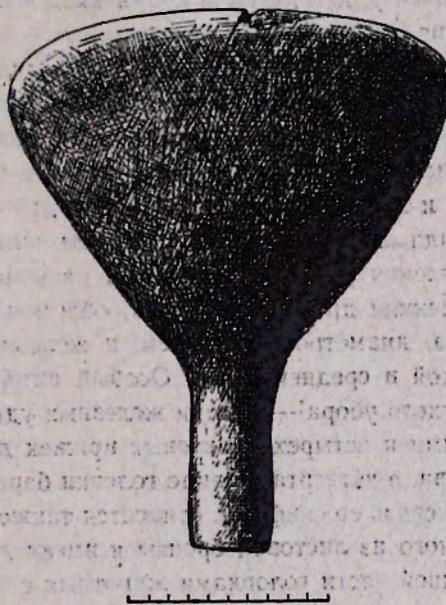

Рис. 5. Глиняная воронка.

72 и 73 была засыпана пшеница, в № 42—ячмень, в № 49—просо, а в карасе № 45 находилась мука.

В одном из карасов (№ 5), в северной части восточной половины наиболее удаленной от двери в кладовую, находившейся в южной части восточной стены, были сложены стопкой 97 бронзовых чаш с клинообразными надписями урартских царей Менуа, Аргишти, Сардура и Русы. Сверху стопка чаш была перекрыта досками, повидимому, для их маскировки. Эти чаши были, несомненно, торжественного назначения, некоторые из них сохранили свой первоначальный блеск и следы тщательной их чистки в древности, повидимому, песком, а на нескольких экземплярах имеются царапины ножом, как случайного порядка, так и преднамеренные, передающие несложный схематичный рисунок, в одном случае вроде рыбы, в другом—штандарт. Нет сомнения, что во время осады крепости порожним карасом кладовой для вина воспользовались для того, чтобы спрятать от врагов ценные бронзовые чаши.

На дне некоторых карасов были обнаружены скелетики грызунов, по определению С. К. Даля, домового мыши, серого хомячка и землеройки-белозубки. В карасе № 82, самом крайнем в западном ряду карасов, оказался костяк прирученной степной, длиннохвостой кошки. Наличие в этом же карасе костей мыши (определение С. К. Даля) указывает на то, что кошка попала в карас при погоне за мышью и, естественно, не смогла выпрыгнуть из высокого и имеющего узкое горло сосуда.

Характеру полутемной и сыроватой кладовой соответствуют также кости зеленой жабы, найденные С. К. Далем у одного из карасов. Повидимому, и в дневное время кладовая была полутемной и для ее освещения употреблялись светильники в виде чаш с вертикальной перегородкой, имеющей отверстия для фитиля. Три таких светильника были обнаружены лежащими между карасами.

В северной части западной половины кладовой, непосредственно у стены, между двумя рядами карасов была обнаружена группа бронзовых и железных вещей. Тут были два крупных железных серпа, два тесловидных орудия, изогнутые ножи, кинжал с тремя заклепками для прикрепления рукоятки, имеющий расширение в нижней части клинка, наконечники дротика и стрелы, обломок пилы. Тут же лежала железная чаша, диаметром ок. 16 см, и железный диск, с выступом, возможно, ручкой в средней части. Особый интерес представили части скифского конского убора¹—остатки железных удил, длинных псалий с тремя отверстиями и четырех бронзовых пряжек для ремней,—три в виде птичьего клюва, а четвертая в виде головки барана. К группе предметов, отмечающих связь со скифами, относятся также обломки бронзового сосуда, склепанного из листовой бронзы и имеющего литые ручки, украшенные в верхней части головками животных с поднятыми ушами².

¹ Кармир-блур, I, рис. 62.

² Там же, рис. 60.

Среди металлических предметов оказался также бронзовый колокольчик (выс. ок. 7,4 см), с железным язычком, имеющий прорез на боку и украшенный горизонтальным рифлением.

В верхней части группы предметов лежал разбитый глиняный кувшинчик, в котором вероятно хранились три пастовые и сердоликовые урартские бусы, каменные печати, костяная баночка, украшенная резьбой, и костяная печатка, подражающая по форме урартским каменным, с неразборчивым изображением на нижней плоскости (летающая птица?).

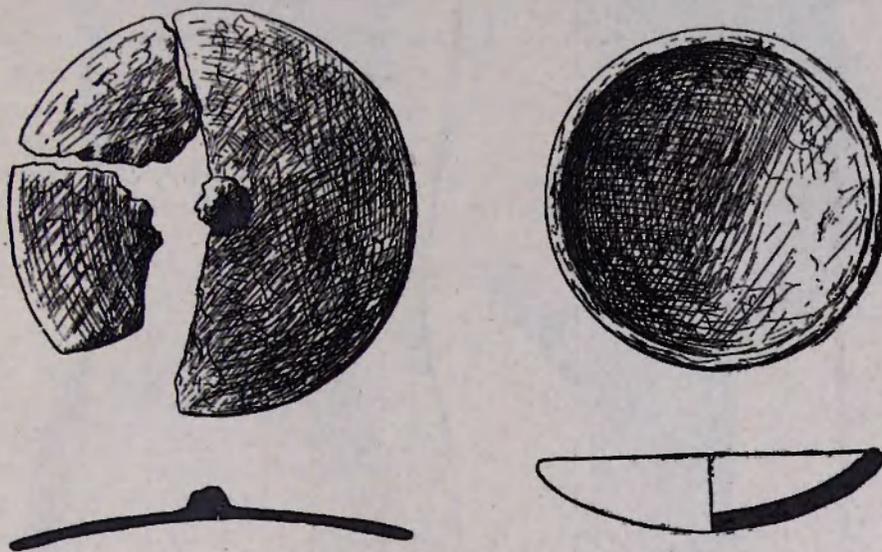

Рис. 6. Железные диск и чаша.

В каресе № 40 оказались также отдельные предметы, вероятно, упавшие из этой кучки. Там была найдена урартская дисковидная печать, отдельные, вырезанные из рога, части инкрустаций (треугольник, ромбы, диски, квадраты), куски дерева, украшенные этой инкрустацией, и костяная пряжка в виде удлиненной палочки с вырезом в средней части.

В средней части кладовой, между двумя столбами был помещен небольшой жертвенник, вылепленный из глины (дл. 1,8 м, шир. ок. 0,6 м и высота 0,23 м). Плоский жертвенник, удлиненной формы, имел три овальных углубления, одно глубокое (ок. 0,12 м) и два мелких, сливающихся вместе. Жертвенник имел следы сильного обжига и в углублениях остатки золы и пережженных костей животных. У столба, к северу от жертвенника из глиняных кирпичей был сложен ящичек для золы, а на противоположной стороне, около другого столба, имелась невысокая приступка для сидения, подобная приступке в северо-западной части кладовой, образованной за счет выступающего фундамента контрфорса.

Небольшое помещение (№ 26), примыкающее к кладовой № 25 с восточной стороны, было заполнено громадным количеством пережжен-

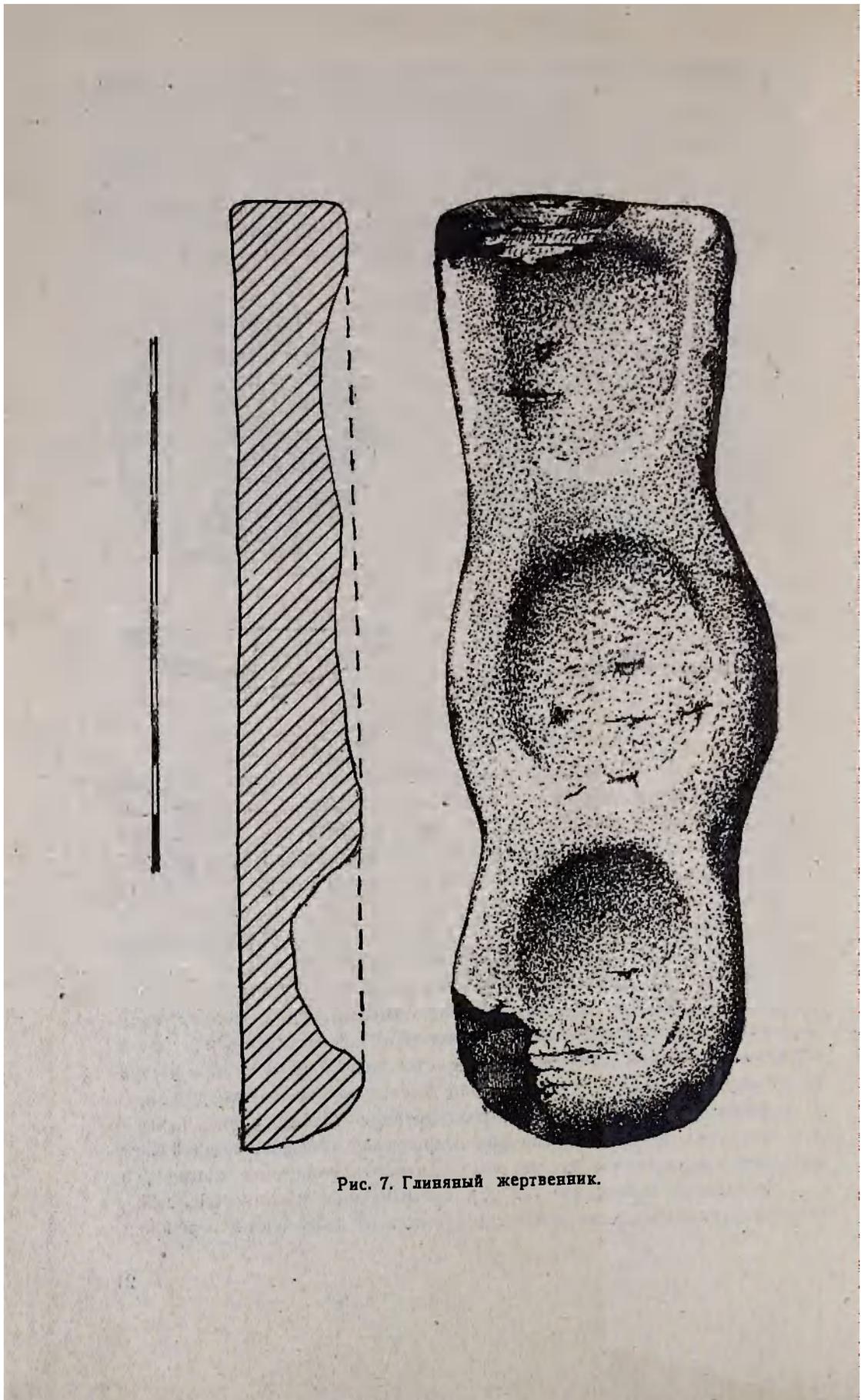

Рис. 7. Глиняный жертвенник.

ных костей крупного и мелкого рогатого скота. Обработка значительно числа этих костей, произведенная С. К. Далем, установила, с одной стороны, отсутствие костей черепов и нижних частей конечностей, а с другой стороны—наличие костей молодых особей, в возрасте нескольких дней, употребление которых в пищу было бы весьма нерациональным.

Невольно возникает предположение, что это громадное количество пережженных костей, сложенных в особое помещение, является остатками жертвоприношения, вероятно на жертвеннике кладовой № 25. С этим согласуется и отсутствие костей черепа и нижних частей конечностей, остающихся при шкуре жертвенного животного, что иллюстрируется большим этнографическим материалом. Наличие костей молодых особей также согласуется с жертвенным ритуалом, требующим иногда приношения молодых, недавно родившихся телят, козлят и барашков. Об этом говорят ассирийские и вавилонские ритуальные тексты. Наличие жертвенника в хозяйственной кладовой для вина указывает на то, что жители крепости считали необходимым оградить пищевые запасы от вредного воздействия злой силы. Около жертвенника, на котором приносились жертвы, стояла также курильница в виде чаши на высокой ножке, с вертикальными прорезами на стенах чаши.

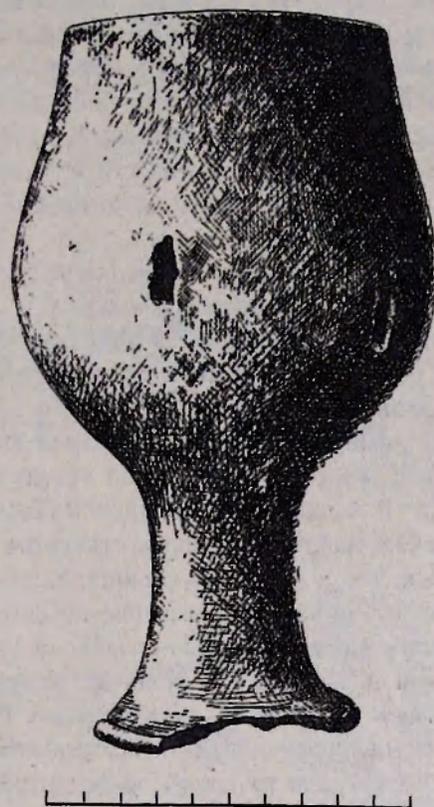

Рис. 8. Глиняная курильница.

Тут же, вероятно, на глиняной приступке, размещались и глиняные фигурки божеств. При раскопках были найдены три фигурки и еще обломки от подставок двух других фигурок. Дело в том, что, повидимому, уже во время пожара, враги проникли в кладовую. Мы не знаем, что было ими захвачено в этой кладовой, но, повидимому, около жертвенника стояла корзина с какими-то предметами, которая была целиком унесена. На полу кладовой, около жертвенника, лежала глиняная подвесная печать—булла с двумя оттисками печатей и тремя неразобранными, из-за плохой сохранности буллы, клинописными знаками. Люди, проникшие в кладовую, сорвали и бросили на пол буллу, запечатавшую корзину. Вместе с тем они произвели погром жертвенного места, разбили на мелкие куски и разбросали в разные места глиняные фигурки богов и ут-

варь, находившуюся около жертвенника. Именно поэтому глиняные статуэтки были найдены разбитыми на мелкие куски и не все их части были обнаружены.

Статуэтки богов однотипны; они представляют собою стоящие бордатые человеческие фигуры, с одной выдвинутой вперед рукой, а другой покоящейся на животе. В правой, выдвинутой руке, находилось, вероятно, копьё или же ветка дерева, так как на всех обломках подставок имеются углубления, в которых закреплялся этот предмет, представлявший собою круглую в сечении палочку. Головы и спины этих божеств были покрыты рыбьей кожей, причем голова рыбы использовалась как головной убор. В древности статуэтки были раскрашены, на их спине сохранились еще следы яркоголубой краски, очень непрочной, осыпающейся как порошок.

Эти статуэтки изображали богов, хранителей здоровья, отгонявших злых духов, приносящих болезнь. Подобные глиняные фигурки были найдены во дворцах ассирийских царей; боги в одеянии рыб, связанных с богом Эа, нередко встречаются на изобразительных ассирийских памятниках, особенно магического назначения, где они находятся обычно около ложа больного. Подобная фигура божества или жреца в одеянии рыбы известна и на одной урартской каменной печати¹.

В верхнем слое кладовой № 28, в северо-западном ее углу, была также найдена глиняная статуэтка божества, но на этот раз не рыбообразного, а в виде скорпиона. К сожалению хвост отбит, но его остаток и следы от прилепа на спине не оставляют сомнения в том, что фигурка изображала божество-скорпиона, широко распространенного в вавилонской и ассирийской религии. Древнейшие изображения этого бога мы имеем на памятниках из царских гробниц в Уре; особенно часты они на поздних вавилонских и ассирийских печатях.

Фигурка из кладовой № 28 хорошо сохранила следы окраски. Лицо было окрашено белой краской, глаза красной, а борода и волосы—бурой. Головной убор имел яркоголубую окраску, аналогичную той, которая имела на спине рыбообразных существ.

На стенке столба, к северу от жертвенника, сохранились следы росписи в виде красной полосы, повидимому, от обрамления. Глиняная обмазка, покрывавшая столб, обвалилась, и при раскопках не были найдены фрагменты обмазки с росписью, которые можно было бы с уверенностью отнести именно к этому месту.

При исследовании кладовой № 25 во многих ее местах, особенно в юго-восточной части, было найдено значительное количество мелких обломков глиняной обмазки стены со следами росписей, но, очевидно, они не относились к этому помещению, а попали в кладовую при обвале верхних частей стен, может быть из соседних помещений или же из построек второго этажа. В этих росписях, на которых мы остановимся ни-

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 282.

Рис. 9. Глиняные фигурки богов (кладовая № 25).

же, имелись изображения крылатых божеств около дисков и орнаментальные мотивы, близкие к тем, которые имеются на обломках каменной облицовки стены, найденных И. А. Орбели на Топрах-кале, в Ване. Кладовая № 25 носит следы сильного пожара, возникшего во время штурма

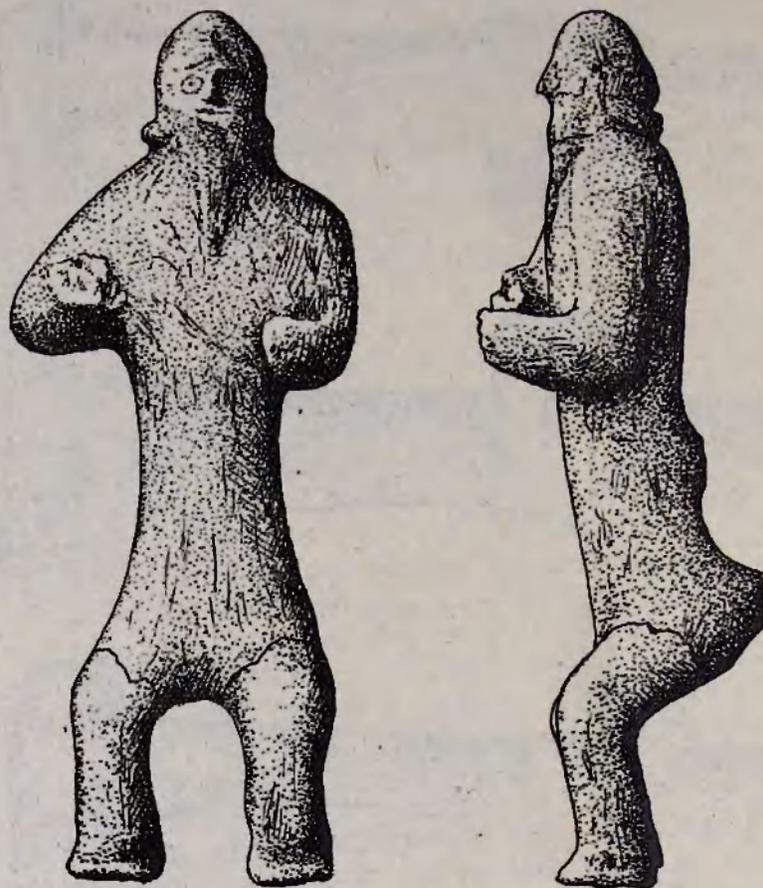

Рис. 10. Глиняная фигурка бога-скорпиона (кладовая № 28).

крепости, балки перекрытия сильно обуглены, земляной пол обожжен и покрыт слоем углей и золы от перекрытия. Обломки глиняной обкладки с остатками росписей также имеют следы воздействия огня.

В двух карасах были обнаружены бронзовые наконечники стрел, попавшие в них, вероятно, при обрушении кровли. В карасе № 68 оказался бронзовый трехгранный наконечник стрелы скифского типа, а в карасе № 37—наконечники иного типа; плоский, с очень длинным стерженьком для насадки, обломок подобного же наконечника был найден на полу кладовой около караса № 49.

Раскопки кладовой № 25, предназначенной для хранения больших запасов вина, отчетливо показывают, что она в момент гибели крепости была уже пустой, ни один из карасов не носит следов вина, кладовая, повидимому, была хорошо убранной, на что указывает и незначительное количество глиняной посуды, найденной при раскопках. Повидимому во время штурма крепости этот урартский административный центр в Закавказье находился уже в состоянии упадка.